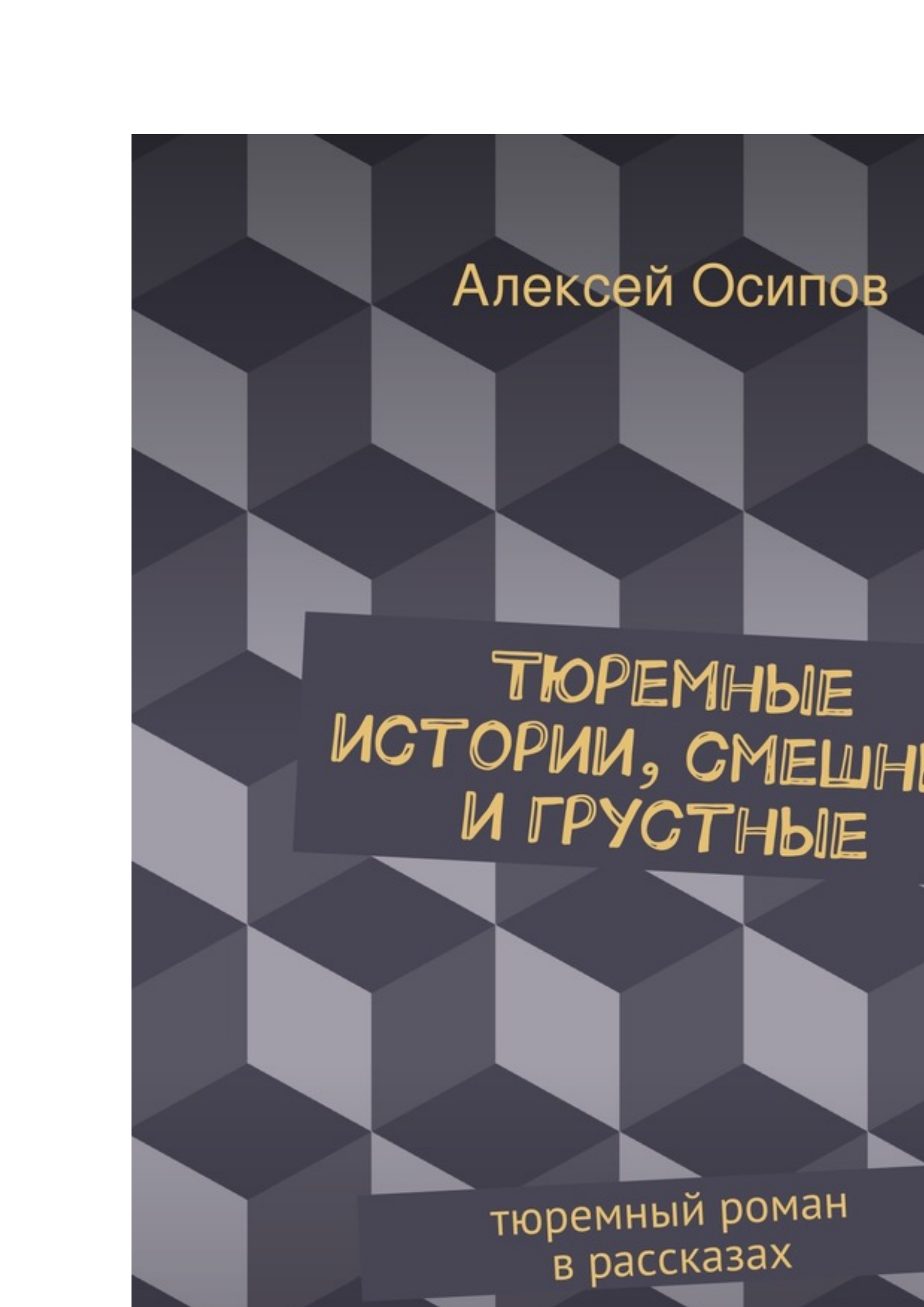

Алексей Осипов

ТЮРЕМНЫЕ
ИСТОРИИ, СМЕШНЫЕ
И ГРУСТНЫЕ

тюремный роман
в рассказах

Алексей Осипов

Тюремные истории, смешные и грустные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805118

ISBN 9785447458690

Аннотация

Тюремный роман в рассказах. Главные герои – заключенные и охранники. Живут, любят и ненавидят, о чем-то мечтают. Иногда плачут, иногда смеются. Хотя и по разные стороны закрытых решеток и дверей, но линии судьбы их тесно связаны и зачастую пересекаются в перипетиях длинных казематных коридоров. И самое трудное для обеих сторон – понять, что в тюрьме тоже надо оставаться человеком...

Содержание

Безнадега	5
Последнее дежурство курсанта Карманова	7
Стукач Евгений	11
Побег	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Тюремные истории,
смешные и грустные
тюремный роман в рассказах
Алексей Осипов**

© Алексей Осипов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Безнадега

– Ну, прям – весна! А...?! Солнышко-то как греет! А...?! – разглядывал оживленно Валерка соседние дома и улицы в небольшое зарешетчатое тюремное окно. Чему-то заулыбался. Вдруг как закричит:

– Э-ге-ге-гей...!!! Люди...!!! Человеки...!!!

Никто из сокамерников не поддержал его радостного настроения. Новенький сиделец после завтрака аккуратно сметал крошки со стола. А освобождавшийся сегодня Матвей в третий раз после подъема сидел на унитазе. Только Паша, сосед по шконке снизу, читавший газету, глубоко вздохнул.

– Ну чё ты бздишь? – в который раз привязывался Валерка к Матвею, – на волю, ведь не в земельный отдел... Откинешься сегодня! Братишка...!

– С моё в крытке посидишь, вот тогда на тебя посмотрю, – ворчал из дальнего угла Матвей.

– А ты не беспокойся! Мне и так семнадцать годков тянуть... ещё успею... Эх! А я бы на твоём месте... сразу к бабам, и водки – стакана три! Или, наоборот... уж я покурился бы, – хорохорился, мечтательно наставляя товарища, Валера.

Матвей, с зеленовато-бледного оттенка лицом, неторопливо собирался. Скрутил тонкий матрас, в наволочку покидал казенное постельное белье. Полупустой тюбик зубной пасты оставил на полочке, щетку швырнул в мусорное ведро.

– Снарядил шекель-то свой? Ничего не забыл? – спросил несмолкаемый Валерка.

– Чего собирать то? – буркнул Матвей. На всякий случай проверил карманы и полупустой цветной пакет.

С противным резким стуком открылась дверная форточка. Новенький сдал баландеру грязную посуду. Прыщавый баландер, недосчитавшись одной ложки, застучал черпаком по двери.

– Ну, что ты грабками-то стучишь, лось сохатый? – подбежав к форточке, чертыхался Валера.

– Вам четыре чашки и четыре ложки выдано. Где ложка? – прогундосил баландер.

– Очнись! Милый! Ты три шлемки баланды накропил. И всё... Так, что, покеда! Нужны нам твои весла... луну, что ли тебе здесь крутим...?

– Всем поровну разливаю, – обиделся баландер.

– Вот, вот... Сам жри свой горох вонючий в следующий раз... По длинному продолу уже вышагивал в их сторону здоровенный охранник. Люто ненавидимый и презируемый зеками Славик, в новехоньком камуфляже, чуток скрывающий его несуразно развитое тело, больше похожее на головастика, игрался дубинкой и смачно сплевывал на пол.

Валерка швырнул недостающую ложку в форточку, – нате! Подавитесь!

Форточка с силой захлопнулась. И тут же снова открылась.

– Чего бузим...?! Типа... проблемы нужны?! – злорадно поинтересовался Славик – в предвкушении кого-нибудь из четверых отдубасить и посадить в карцер.

– Все нормально, командир! Мы поняли, и уже исправляемся, – ответил за всех Матвей. Окошко закрылось.

Валерка еще минут пять ходил из угла в угол, со злобой выговаривая:

– Вот гнида! Если бы не дядя его..., втетерил бы тогда племяшу, посшибал рога... Опарыш! Мать его...

– Присядем на дорожку, что ли, – предложил Матвей.

Присели. Закурили. У Матвея сильно дрожали руки.

– Не дрейфы! Все будет ништяк! – подбодрил Валерка, хлопая по плечу кореша.

– Я разговаривать-то по-человечески разучился, – подтрунивал Матвей над собой. Показал синие от множества татуировок пальцы, – весь расписной!

– В магазинах, что хочешь с полок берешь, на кассе монету только всучишь, тебе сдачу, – влез в разговор новенький, – месяцами можно ни с кем не общаться. Хоть подохни! Никому не нужен.

– Чего в разговор встречаешь? Ушастик! – наскочил Валерка на новенького.

– Отвяжись ты от него, – заступился Матвей.

Открылась дверь камеры. Попрощались. И Матвея увели... А еще через полчаса, его благополучно выпихнули за ворота, на свободу...

Как только за Матвеем захлопнули дверь, в камеру влезло давящее, вязкое чувство безысходности, щемящей тоски...

Валерка до вечера слонялся из угла в угол, нервно хрустя пальцами. В очередной раз, подойдя к окну, завопил на всю улицу отборным матом.

Как и предвидел Паша, быстренько прячась под одеяло, дверь в камеру отворилась незамедлительно...

Трое охранников взопрели, пока выволакивали Валерку на продол. Он пинался, норовил укусить, упирался, цепляясь за железные прутья нар. Извиваясь, сшиб со стены полку, рассыпав чай и папиросы. И, когда его за ноги уже тянули через дверной проем, все же изловчился схватить грязную половую тряпку и хлестануть по физиономии Славика.

С шумом и воем на всю тюрьму, нещадно лупцую дубинками, Валерку с трудом все же допинали до подвала и водворили в карцер.

– Чего, это он? – спросил новенький Пашу, прибираясь после потасовки в опустевшей камере.

– Беснадега, – задумчиво произнес старый зек, – беснадега...

Последнее дежурство курсанта Карманова

В одной из камер в самом конце тюремного коридора слышалась возня, а затем глухой стук упавшего на пол человеческого тела. В здании следственного изолятора, в особенности ночью, держалась изумительная акустика. Построенная по высочайшему указу Екатерины Великой, тюрьма привычно передавала любой шорох, кряхтение, покашливание, даже топоток мышки, спешащей по своим мышиным делам вдоль камер. Трое дюжих прапорщиков, бросив игру в карты, кинулись на шум, выяснять, что произошло в одной из дальних от поста камер. Курсант Александр Карманов остался на посту у железного откидного столика со строгим наказом старших товарищей по дежурству засыпать пригоршню чая в банку с кипятком.

Вода закипела, забулькала в банке. Края литровой емкости запотели. Знатная порция заварки, всыпанная курсантом в стеклянный сосуд, стала быстро набухать. Ответственного за чай взяло сомнение, не многовато ли заварки для одного разового чаепития, но согласно инструкции уже седовласых, повидавших жизнь прапоров выходило, что почти половина двухсотграммовой пачки на литровую банку это то, что надо для «купца». С их слов, зековский крепкий «чифер» они не употребляли. Минуты через две Карманов приоткрыл крышку, вдохнув аромат густого чаища. Его судорожно передернуло, тряхнуло и зашатало до головокружения. «Какой же тогда „чифер“, – подумал курсант, – если эта черного цвета вязкая жидкость уже гремучая смесь?!»

Вернулись прапорщики, шибко раздосадованные тем, что зек, непомерно юркий старикан, просто-напросто сам в четвертый раз упал во сне со второго яруса нар, а не был скинут своими сокамерниками. И прапора не возымели на сей раз причину, чтобы заставить нарушителей внутреннего тюремного распорядка проделать несколько упражнений дисциплинарной профилактической физкультуры: поотжиматься, поприседать, словом, скоротать часок-другой своей что-то сегодня обыденно проходящей ночной смены. Все присутствующие, кроме Карманова, струхнувшего проводить опыты над своим не столь многоопытным желудком, сели пить «купца» вприкуску с карамельками. Оценив по достоинству индийское чайное производство, продолжили они карточные баталии. Курсанта прапорщики не стеснялись, то ли безоговорочно приняв в свои ряды, то ли пока не сочтя его достаточно важной персоной. Скорее всего, второй вариант был наиболее верным. Дежурного майора Валентина Валентиновича они, правда, побаивались, но за глаза над ним подсмеивались, называли его «Валет Валетычем», и не могли простить ему сегодня соленых окуней Карманова, которых майор оставил себе на ужин. Рыбешка, со слов курсанта, была чуток пересолена, однако, дело было не в самой рыбе, а в принципе: человек в свое последнее дежурство или вернее в последний день практики угощал всю смену. Килограммов на шесть пакет красивых красноперых рыбин остался в дежурке «под присмотром» дежурного и «пультерши» Валентины Степановны.

– Валентиныч, хоть по рыбе на каждого... не беспредельничай, – гурьбой надели на майора перед заступлением на дежурство прапора.

– А в корпус таскать пакеты с едой запрещено, – едко изрек, как отрезал, Валентиныч. – Кто здесь начальник, в конце концов? Я.

Его светлые глаза, точно выцветшие на летнем солнце, обычно не выражавшие головоломных мыслей, сейчас светились ярким пламенем в предвкушении отпробовать знатных на вид окуней.

На посту разобиженные прапорщики понемногу подуспокоились. И за картишками и чайком уже рассказывали по очереди байки про приведения, что время от времени бродят в стародавнем арестантском одеянии по коридорам древней тюрьмы, гремя кандалами

и железными тяжелыми цепями. Прапора перемигивались между собой, когда незрелый курсант Карманов, открыв рот и вытаращив глаза, слушал жуткие истории с упоением, даже некоторым восхищением бывалостью рассказчиков, точно в экстазе от приобщения к великой тайне для избранных.

В перерывах между повествованиями они понуждали курсанта пройтись по корпусу и посмотреть в глазки всех камер, убедиться, все ли в порядке. Служба есть служба, а молодому практиканту полезно на собственной шкуре хлебнуть прапорщицкой службы, пока он еще не офицер.

На этаже, где базировались прапорщики, Александр Карманов обходил все камеры честно, а в подвале и на верхнем посту только там, где было, как правило, светло, в ночные дежурства обыкновенно половину лампочек в коридорах выключали. «Экономят, – негодовал курсант, заглядывая в очередной „глазок“, – а я страдаю тут неповинно». Но зеки спокойно спали, а жуткие приведения, которых выглядывал по особо мрачным углам Карманов, тоже пока не объявлялись. Он спешно проверял людей по списку, визуально считая по спальным местам. Если иногда кого-то не хватало. Карманов стучал по двери, и быстро спрашивал:

– Эй, ты где?

Иногда от неизвестно откуда нахлынувшей приступообразно жутки, даже не дожидаясь из камеры ответа, быстрого убегал.

Вдруг короткие волосы на круглой курсантской голове вроде зашевелились и, как ему почудилось, словно немного вздыбились. Из дальнего, самого темного, не освещенного коридора кто-то звал курсанта по имени: «Саня... Саня...». Александр отскочил от камеры. «Черт с ними, с этими зеками, куда они отсюда из-под замков одеваются, а вот ему, похоже, уже надо теперь успевать свою душу спасти». Он снова прислушался. Тихо. Возможно, что показалось? Но, может быть, и нет. Саня, кое-как осиливая телесную вибрацию, прощупывал ушами тюремную атмосферу.

– Саня... Саня... – кто-то надрывно звал его плачущим замогильным голосом из того же коридора. Саня в умножившемся душевном трепете бросился бежать на пост к прапорщикам. Бледный, как известковая поверхность стены, курсант, запыхавшись, выбежал на свет, где недавно восседали прапорщики. Но на посту никого не было.

– Может, кто-то из товарищей прапорщиков сейчас его звал, может, даже просил о помощи, – приспела в его одуревшую от испытанного страха голову мысль. Но, вспомнив своих дюжих, как на подбор, соратников, их холеные сытые лица, высоченный рост, здоровущие ручища всех троих, он рассудил, что они сами кого угодно могут обидеть. Однако, мучимый сомнениями, Карманов все же пошел искать исчезнувших враз сослуживцев по коридорам, соблюдая прежний принцип – искать и быстро продвигаться только там, где есть свет.

Нашел Карманов прапорщиков довольно быстро. Те, открыв камеру, привязывали не в меру расшалившегося шустрого дедка к нижнему ярусу нар простыней. Остальные пятеро зеков по струнке стояли по стойке «смирно» у окна камеры. Верховодивший в камере лысый мужичок беспрестанно клялся не пускать впредь падающего периодически старикана на верхний ярус тюремных нар, уступив дедушке свое блатное место.

Закончив разбирательства с зеками, прапорщики переключили свое драгоценное внимание вновь на стажера-курсанта. Им, это было явно очевидно, очень понравился бледненький цвет его лица и сбивчивый откровенный рассказ о диковинных голосах в темном коридоре. Якобы сочувствуя курсанту, они отправили беднягу в дежурку за окунами. Пора и честь знать Валету с Валькой, решили они, курсантская рыбка принадлежит всей смене, а значит и прапорам в определенной доле. Дали ключ проходной Саньку, присовокупили вдобавок к нему советы и наставления, как себя вести понаглее в процессе переговоров с дежурным, и отправили в путь, «благославля» дружеской рекомендацией – без окулей не возвращаться.

Сами же, еле сдержавшись до ухода стажера, ржали до слез и коликов в животах, минут двадцать, увеселяясь разыгранной ими сценой с леденящими душу стонами и призывами предполагаемых тюремных призраков из другого входа со стороны пищеблока, не известной доселе Саньку потаенной тюремной акустики.. Хотя единодушно признали они, отдавая ему должное, что по сравнению с предыдущими стажерами, Санек держался куда храбрее.

Курсант Александр Карманов неторопливо и с достоинством прошел только начальный «отсек» подвального коридора, где еще были наверняка слышны прапорщикам его шаги, открыв и закрыв за собою первую тяжелую металлическую дверь, дальше бросился бежать со всех ног. Он столь шустро открывал железные, бесконечные по счету, тюремные двери, гулко ими хлопая за собою, что вполне мог установить своеобразный рекорд в этом нелегком деле. Двери, а тем более замки, были старыми, заржавленными. Открываемые изо дня в день десятилетиями механизмы замков изрядно изнашивались, и открывались с первой попытки далеко не всеми служивыми. Особенно тяжело открывались особо мощные деревянные, обитые железом двери, весом, кажется, с полтонны, не меньше. Некоторые двери имели квадратные окошечки, из которых тянуло сквозняком, а при случае было видно еще издали приближение какого-нибудь начальства. Однако, закрывались они почти все без ключа, имея ход очень отлаженный, и идеально подогнаны были по размеру к косякам. Надо было только с силой хлопнуть дверью за собою. Что и говорить, умели в старину строить тюрьмы и остроги!

Наконец добежав до помещения дежурной части, захлопнув с силой за собою последнюю дверь, Саня перевел дух. И тут он увидел Валентина Валентиновича, сделавшегося странным лицом за какие-то несколько часов, пока они не виделись. Злобные его заплывшие глазки так и сверкали из-под опухших век. Валет Валетыч бросился прямо на Саньку, пока не уперся туловищем в тонкую стену из сетки-рабицы, их разделяющую, широко распахнув руки со сжатыми кулаками. И кричал ему прямо в лицо: «Что ты наделал?!». Казалось, от неминуемой расправы курсанта спасала только эта металлическая сетка. И тут на удивление Саньку, словно вторя Валету, мгновенно сработала сигнализация.

Орала она как-то странно, переливами, то сильнее и звонче, то тише и глухо, иногда переходя на звериное рычание, похожего на рев раненого хищника. От воя сирены Саня аж присел. Он даже стал оглядываться в недоумении, что мог такого сотворить. Курсант Карманов, по его мнению, был совершенно безвинен. Но сигнализация тем временем набирала более мощные звуковые обороты, становясь с каждой секундой все громче и протяжнее.

Прошло около минуты. Заливалась, оглушая, на все лады сигнализация. Дежурный, кажется, спятил, и лицо его от гнева, что ли, совсем распухло. — «Может, аллергия или зараза какая-нибудь, попутно лишаящая человека рассудка? И почему все-таки сигнализация-то сработала? Значит, что-то было здесь не так», — подумал Саня.

Резко распахнулась дверь, в которую только что вошел курсант, и сирена тотчас смолкла. На пороге стояла пултерша тетя Валя такая же вся страшно опухшая, как и дежурный, только ее свирепые сверкающие глазки были еще меньше. Их почти вовсе не было видно в прорези из-под опухших век. Между Санькой и пултершой проскочил как очумелый взъерошенный котяра, и вид тот тоже имел странный — кот был совершенно без хвоста. А вот и кошачий хвост — лежит себе на пороге, отрезанный начисто дубовой дверью. Узрев орущую троицу, осознавший, наконец, причину и следствие происшедшего события, Александр понял, призвав себе на помощь все имеющиеся в голове юридические знания, что не только произвел он только что тюремного кота в инвалиды, но и обеспечил тому пожизненную пенсию в виде ухода, кормежки и жалости. А сам Санек навечно попал в списки легендарно прославившихся сотрудников.

Еще раз оглядевшись, Александр заприметил на столике у рации на газете целую кучу плавников, обглоданных рыбьих костей, вперемежку с ядреной чешуей. Все стаканы,

кружки были грязными, в подтеках от чая и с заваркой на дне. На полу валялись три пустые полуторалитровые бутылки из-под лимонада и одна из-под кваса. В воздухе дежурки явственно чувствовалась острая жажда, имевшая место быть длительное время у ее ночных обитателей.

Еще через час Санька сидел за пультом, понуро глядя на монитор видеокамер, чувствуя свою вину за все содеянные им грехи. Дежурный майор, по очереди и вроде как бы наперегонки с тетей Валею—пультершей, материл на чем свет стоит пересоленных окуньков с курсантом вместе, они бегали оба в туалет на водопой, усиленно поглощали из-под крана холодную воду. Рыхлая опухлость их, приняв крайние пределы на лицах, медленно переходила на конечности.

Под утро в дежурку пришел, не дождавшись возвращения гонца, один из прапорщиков. Он долго и выразительно рассматривал дежурного с пультершей. Постоял, помолчал. Нашел под газетой безголового почти уцелевшего окуня, покрутил рыбину в руках и так и сяк. Выгреб затем пальцем из брюха окунька целую горсть крупной соли, пригоже засверкавшей в свете ламп. Злорадно усмехнулся своим тайным мыслям и быстро ушел обратно.

А курсант Саня безгласно функционировал за столом с множеством лампочек, кнопок, телефонов и ждал конца смены. Тетя Валя под утро совсем выбыла из ратного строя и отпросилась домой. Валентину Валентиновичу по долгу службы и звания приходилось оставаться на дежурстве и бегать в туалет, не покидая боевого поста. «Предупреждали ведь меня товарищи прапорщики, что последняя дежурство – оно самое тяжелое, осторожнее надо было мне быть, эх, зря я их не послушал...»

Стукач Евгений

На кровати сидел дядя Митя в одних трусах, свесив вниз свои худые волосатые ноги. На коленках у него лежал рваный пиджак. На дядином теле было столько татуировок, что легче сказать, где их у него не было выколото.

– Что ж ты, Женька, сукин сын, делаешь? – стыдил он племянника, – ведь стучать на зоне -распоследнее дело для нашего брата. Что ж ты меня позоришь на том свете?

Женька проснулся. Вспомнил дурацкий свой сон, дядю Митю, который всю свою сознательную жизнь пребывал в отсидках и вправду умер от чахотки в позапрошлом году. Чертыхнулся про себя. Огляделся в полутемной камере. Рабочка была пуста. Видимо, недавно все ушли убирать снег на прогулочных двориках. Из литровой кружки с цифером еще тонкой струйкой шел пар. Дверь в камеру была не заперта, что ж, один косячок у корпусного имеется, есть о чем теперь и начальству доложить. Неплохо для начала дня. Евгений встал, побрызгал лицо водой. Понюхал содержимое кружки. В нос ударил терпкий запах запаренных вторяков. Такое употреблять заподло. Евгений брезгливо поморщился. Надел курточку и тихонечко выскользнул на продол.

В банно-прачечном отделении, где он работал банщиком, было душно. Уныло стояли у стены огромные обшарпанные стиральные машины с круглыми окнами, похожие на глубоководные батискафы. Толстый до безобразия кот спал на рабочем столе, занимая почти всю его площадь. Евгений ударил кошака веником. Кот мяукнул, задергал нервно хвостом, перевернулся на другой бок, сладко зевнул и снова закрыл глаза. Банщик ловко поддел недозволенного кота ногой, скинув затем его на пол.

Евгений был не в духе. Из головы не вылезал идиотский сон. Намек на некоторые его поступки. А как иначе выжить в этой вонючей тюрьме? Пусть работяги спину гнут. Не для него, по жизни, на пилораме бревна ворочать. Ну и пусть быки хоздворовские потеют, горб гнут на хозяина. Они же в основном бухарики. На волю выйдут, напьются и снова сядут. А он, Евгений, из принципа не будет работать. Лучше сдавать этих чертей. Пускай его ненавидят. Ну и что, что не одного зека он сдал операм, кое-кого и из числа сотрудников, будут умнее. Плевать.

Сигареты закончились еще вчера к вечеру, чай тоже. Болела голова. Требовала чего-нибудь кофеиносодержащего. Пришла игривая и навязчивая мысль. Женька закрылся изнутри прачечной. Хоть и был в отделении один, озираясь, подошел к двери каптерки. Аккуратно снял, не повредив, печать, открыл замок в небольшое помещение. Здесь в полной темноте на полках стояли огромные майданы крытников. Зекам, приговоренным к тюремному сроку, не полагалось иметь при себе много вещей. Принудительно их сдавали в тюремную каптерку. Уже зная примерно, где и что лежит, Евгений уверенно выловил рукой из одного мешка пачку сигарет и банку кофе. Банка была уже распечатана, оставалось только немножко отсыпать. Вот и все. Дверь снова закрыта. Печать на месте.

Бразильский кофе вкус имел обалденный, он вмиг поднял настроение. Сигареты были, правда, так себе. Но на хаяву и укус сладкий, пойдут и такие.

Кто-то постучался. Евгений суетливо открыл. На пороге стоял повар из зековского пищеблока. Повар Толя был новеньким. Женька его недолюбливал, однако, хочешь или не хочешь, а приходилось терпеть. Они были повязаны известным им одним секретом. Толик был себе на уме, все чего-то ходил, вынюхивал. И вызывал смешанное воедино чувство необъяснимой тревоги, опасности и ревности. Может, из-за того, что часто встречались они нос к носу в подвале тюремного корпуса у оперских кабинетов.

– Чего тебе? – раздраженно спросил Евгений.

– Да так, зашел. А, кстати, полотенца чистые дай, грязные уже сдали, – нашелся Толик.

Евгений, сделав пометку в журнале выдачи белья, пихнул ему стопку полотенец. Толя постоял немного, не найдя больше причин, чтобы задерживаться, ушел.

– Бродят тут всякие, – буркнул Евгений и направился сам прогуляться по делам. Проходя по продолу, заметил, что постовой за всю ночь ни разу не заглянул в «глазок» камер, о чем свидетельствовали отогнутые в сторону им картонные дощечки, прикрывавшие наблюдательные стеклянные круглые отверстия в дверях. С вечера их никто не трогал. На посту контролера, на железном столике, привинченном к стене, лежал чей-то проходной ключ. Вот это здорово! Неважно начатый день, стал гораздо благосклонней. Этот кто-то поплатится за забытый ключик не только тем, что не сможет сам выйти из корпуса, но и будет иметь большие неприятности. Ключ Женя опустил себе в глубокий карман. Так, а вот тот же контролер не закрывает «кормушки» на замок, ленится, значит. Ленишься ты, «дубачок», премии, значит, лишишься, как пить дать. И поделом тебе.

В коридоре подвала горел свет. Значит, с утра пораньше пришел Андрей Васильевич. Действительно, опер сидел в кабинете за столом, курил и одновременно кормил рыбок в маленьком аквариуме. По сложившейся традиции Женя поздоровался со своим главным патроном, быстренько принес в чайнике свежей водички, запарил оперского чайку, а в процессе чайной церемонии пунктуально «сливал» всю накопившуюся информацию за сутки. Кто, что, с кем, кого и когда... Гордо перед Василичем положил на стол железный ключ.

– А это что?

– Проходник под номером 154.

– Где взял? – поинтересовался шеф.

– Ну, как обычно...

– Ладно, разберемся, – устало вздохнул опер. Капитану до печенок осточертела служба, и Евгения, тот чувствовал, он глубоко презирал, однако нуждался в нем. Часто глаза и уши стукачка были бесценны. Капитан мечтал уйти на пенсию, а Евгений – освободиться условно-досрочно.

– Ну что, Евгений Александрович, – фамильярно и с иронией обратился оперативник к банщику, – как освободиться-то будешь? Ты же до автобуса фик живым доберешься. Многих ты занозил, скажу я тебе! Евгений молчал, не зная, что ответить. Он и сам думал об этом не один раз.

– Ладно, не переживай, поможем. Бронетранспортер подгоним, – пошутил Василич в своем стиле, – сегодня в честь седьмого ноября работы будет мало у меня, с обеда уйду. Вечерком заскочишь, приберешься здесь немного. Понял? – спросил капитан враз помрачневшего от его шуток подручного.

– Понял, Андрей Васильевич. А я и забыл, что сегодня праздник.

– Да, седьмое ноября – красный день календаря. Все, свободен. Пшел вон! – снова неделикатно пошутил опер.

Женя, выйдя из кабинета, направился от нечего делать прямо на хоздвор. Там можно было ласы поточить с бугром или с пекарями. Кстати, к Колян у приезжали на свиданку. Может, чего-нибудь осталось вкусенького.

Как оказалось, в честь праздника на работу вышли не все. А только по специфике работы, самые необходимые: кочегар, свинари, пекари. А вообще-то Евгению нужен был только Колян.

Коля заканчивал уборку после последней выпечки хлеба. Он усердно подтирал пол, под вой новенькой модной кассеты с воли. Женя присел рядом на скамейку, разглядывая другие кассеты. Потом, закончив уборку, Коля гостеприимно угостил чайком кореша. Похвастался новыми кроссовками и спортивным костюмом, запрятанными хитро в шкафу. Женя, с завистью щупая пальцами качественную материю, уже точно решил, что после выходных

обязательно доложит о том, что пекарь Воробьев прячет запрещенную к хранению на рабочем месте гражданскую одежду.

Потом Евгений, победоносно шествуя по полупустому хоздвору, заглянул в столярку. Попил и там чайку, примечая, что столяр явно занимался калымом, покрывая лаком только что собранную хлебницу. Осведомим и об этом факте. Затем, не грех было заворотить напоследок и в котельную. А там жарили мясо. А это уже очень серьезно! Требует досконального разбирательства Василича. Откуда мясо, например? Все ли поросята еще живы? Кто не углядел? И, наконец, честно угостившись аппетитным мясным кушаньем, Евгений с чувством полной удовлетворенности собой, направился в свои прачечные владения.

– А ну стой! – окликнул Женю у самых ворот сам начальник, – почему не на своем рабочем месте? Чего тут шарашисься? Ну-ка пошли, по дороге поговорим. К удивлению Женьки, хозяин не стал его отчитывать, а сразу спросил в лоб:

– Андрей Васильевич твой на работе употребляет?

– Не знаю, Дмитрий Юрьевич, не принимался...

– А теперь будешь нюхать, следить за каждым его шагом. Чем занимается, что говорит. В вещах его пошарься. Понял?

– Нет, товарищ полковник, я боюсь, старший опер он все-таки.

– А по вещам тюремщиков не боишься лазить? Смотри у меня! Если хоть кто-нибудь узнает про твои делишки, кумекаешь, что с тобой будет?

– Да... – подавленно буркнул Женя.

– Понял меня по существу вопросов? – зло спросил начальник.

– Понял...

Вечером Женя, как и обещал Васильевичу, пришел прибраться в его кабинете. Посидев немного за оперским столом, банщик соорудил рыбкам рожу. Обнюхал все бокалы. Залез в мусорницу. Изрядно покопавшись в ней, нашел все же пробку от бутылки водки. Довольный и усталый, все прибрав, пошел спать.

Побег

Ветер дул северный, злой и колючий. Нагонял мороз. В свете раскачивающихся из стороны в сторону редких уличных фонарей ранние пешеходы спешили на работу, укутавшись, спрятавшись от холода в воротники, шапки, варежки. Санька Коровин тоже спешил на службу. Без перчаток, шапка сдвинута на затылок, грудь распахнута, кашне развеивается на ветру, он точно разгоряченный конь после жаркой битвы, вышагивал по обледенелой дороге. По пути, по сложившейся привычке, заскочил в круглосуточный опрокинуть стопарик водочки перед сменой. У ворот тюрьмы вспомнил, что забыл дома пропуск, но возвращаться было, во-первых, поздно, а, во-вторых, он бы не вынес снова увидеть противные ему физиономии жены и тещи, с которыми только что крепко разругался. Ссора была не первой, но, кажется, последней. Сына им, он решил, не отдаст, благо, что Димка гостит у его матери в деревне, квартира с обстановкой была тещиной, а больше ничего Санька, как оказалось со слов тещи, за шесть лет совместной жизни и не нажил. В общем, Александр – не верный муж и прекрасный зять, а голь-шмоль, ленивый паразит на шее добросердечной тещиньки. И терять ему, как говорится, кроме собственных портков, было нечего.

На проходной столкнулся, как назло, с замом по тылу. И тут же в узком коридорчике КПП, между железными решетками и получил ценное указание срочно брать расконвойника Гурьева, садиться на лесовоз и выезжать к штабу, где поступит в распоряжение инженера по лесу Ирины Борисовны.

Бежать на хоздвор Санька, сломя голову, не спешил. Он, зайдя на территорию, поправил шапку, и направился прямо в здание администрации. Человек, что называется, недоволен и жаждет мщения.

В отделе кадров была только молоденькая Оля, вечно смешливая и медлительная до крайности, чем страшно раздражала Саню.

– Я хотел узнать, – начал он. Оля, явно игнорируя посетителя, стоя у зеркала, медленно раскрашивала помадой свои прекрасные медовые губки.

– Короче, мне тут некогда, я уже целую неделю к вам хожу. Где моя справка? – злобно спросил Санька. Запоздалая волна алкоголя, сдерживаемая копившейся яростью, только сейчас приятно хлынула в голову.

– Какая справка? Я ничего не знаю, много вас тут всяких ходит, – растягивая слова, удостоила его ответом после долгой паузы инспектор по кадрам. Теперь она старательно вырисовывала тени на своих глупых и красивых глазах.

– Что мне снова объяснять в десятый раз, какую бумажку надо? – взвинтился Саня. Но тут заскочил в кабинет майор Чижов – инспектор по боевой и специальной подготовке личного состава. Несмотря на свои сорок с длинным хвостиком лет, майор, ловко вильнув жирным пышным задом между двумя столами, подскочил к Оленьке и нежно прижал ее за талию к своему брюшку. Не обращая никакого внимания на стоявшего за стойкой Коровина, они о чем-то ласково залюбезничали. Саня, красный от злости и обиды на весь белый свет, громко хлопнув дверью, выскочил из кабинета.

– Коровин! Ты почему еще здесь, а не в машине с Гурьевым? А!? – спокойным, но величественным тоном остановил уже возле лестницы Саньку сам начальник тюрьмы, строго нахмурив брови. – Как жаловаться, что тебе прапорщика не дают или напряженки ни за что лишают, так ты сразу тут, а как работать, так тебя не дошлешься. Чтобы через три минуты я видел в окно, что КРАЗ стоит у ворот. Понял меня?

– Так точно! – с явным вызовом отчеканил Санька, вытянувшись по швам перед полковником, и намеренно медленным шагом, останавливаясь с каждым встречным контролером, разговаривая с ними минут по десять, двинулся к гаражу на хоздвор.

В кабине было тепло. Зек с раннего утра готовил машину к рейсу, заправил, проверил все ли в порядке. Хоть и подневольный, но мужик был ответственный, свое дело знал. Подъехав к зданию администрации, остановились, ожидая Ирину Борисовну. Молчали оба. Водитель разглядывал своего конвоира. А тот сидел, нахохлившись, о чем-то крепко задумавшись.

– Что-то ты, Александр, сегодня вроде не в духе? – наконец спросил Гурьев.

– Да чему радоваться, Гуричь, когда каждая сволочь тебя отчитывает, понукает тобой, точно ты не человек, а пес, которого не кормят, а только бьют, – почти что простонал Коровин. И снова замолчал. Старшина теперь осмысленно смотрел на крыльцо КПП, ждал появления Ирины Борисовны, в ужасе думая, что придется целый день терпеть эту ворчливую каргу, ее нудные разговоры про разведение домашних цветочков. И в итоге она все равно его сдаст начальству, учуяв в тесной кабине запах спиртного перегара, исходящего густо от Коровина. В дорогу он успел купить на последние рубли еще чекушку.

На удивление Ирина Борисовна молчком взобралась в кабину. Как всегда, со всей силы хлопнула дверью, поправила вязаную шапочку, властно ткнула пальцем в выключатель магнитофона, остановив на полкуплете ненавистный ей шансон. И только после этого сказала: «Какая пошлость! Гурьев, поехали на деляну, ту, что за покосом. Вы что, через Китай так долго с гаража ехали?» И подозрительно посмотрела на Коровина.

Мощный КРАЗ лихо разогнался и помчал к выезду из города. Уже рассвело. Выглянуло зимнее солнышко сквозь пелену дыма от печных труб. За городом дорога стала ровнее и шире. Лесовоз, словно почуяв волю, все больше убыстрял свой ход, мощно ревя мотором и выкидывая позади себя сплошную стену снежных завихрений. Высоченные пихты нависали широкими лапами над дорогой, утопая ядреными основаниями среди белых сугробов, готовые в любую секунду сбросить тяжелую снежную осыпь с ветвей в колею. Тайга была сказочно и величаво красива.

Проезжая по пути мимо деревеньки с кособокими домишками, Гурьев с разрешения конвоира остановился у киоска. Коровин сидел, надувшись, в тревожном молчании. Ирина Борисовна пыталась заговорить с ним, но была проигнорирована. Наступила тягостная тишина.

– А разве можно осужденному иметь при себе деньги? – поинтересовалась вдруг она, обращаясь к Коровину. – Он возьмет да и сбежит, при таком-то контролере, я и не удивлюсь.... Контролер упорно молчал, никак не реагируя на язвительность Ирины Борисовны. А Гурьев что-то и в самом деле долго не выходил из киоска.

– А телефон здесь есть? – вдруг взвился Саня.

– Есть, наверное. Может быть, даже в киоске или в сельсовете, – вздрогнув от неожиданности, произнесла Ирина Борисовна. Санька перелез на место водителя и выпрыгнул из кабины через левую дверь. Забежав в киоск, увидел Гурьева. Тот уже получал сдачу.

– Жди меня здесь. Не выходи, – приказал Коровин, – телефон есть? Позвонить нужно срочно!

Санька прямо при продавщице и охраняемом им зеке матерился в телефонную трубку. Возбужденно пытал вопросами кого-то о своем сыне Димке, выпрашивая, когда забрала Димку старая скотина теща, и на каком автобусном рейсе повезла. Устало он бросил трубку. Сразу весь как-то осунулся, окостенел. Несколько минут трудно принимал какое-то важное решение. Это было заметно по его меняющейся лицевой мимике.

– Гуричь, стой здесь. Я сейчас... – оживившись, вскрикнул Санька и побежал к машине.

– Ира Борисовна! Вас Гурьев зовет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.